

Т Е А Т Р

„Петр III и Екатерина II“.

Зимний сезон русской драмы открылся исторической хроникой Лернера «Петр III и Екатерина II».

Внимание зрителей было привлечено столько же сценой и новой драматической труппой, сколько и заново отделанным, расширенным и перестроенным помещением самого театра. Несмотря на некоторые промахи вкуса в отделке, орнаменте и еще кое в чем, мы получили **настоящий театр**, вместо маленького, хорошо отделанного, но совершенно непригодного концертного зала. Борьба за постоянный театр в Гомеле закончилась, сделано ценнейшее приобретение. Прежде всего налажен сложный механизм сцены. Без скрипа, убийственных аттрактов и смешных несоразностей он помогает развернуть спектакль. Сама сценическая площадка раздвинулась, стало просторнее и светлее, и театральная картина много выиграла от того, что она перенесена на большое полотно. Вот **света** мало и на сцене и особенно в зале. Какой-то придуренный, пруглушенный унылый вид и тон, приобретает от этого мутного, недостаточного освещения все. И аляповатостью и щип, яркий, сильнее обычного комнатного во много раз—вот что раньше всего подымает и возбуждает зрителя, дает отчетливость и выпуклость игре. Да будет свет!

Пьеса, выбранная для открытия, оказалась не особенно удачной. Как хроника она лишена связности, нарастающая действия, цельности. Она просто инсценированный исторический рассказ, ряд сцен повествовательных между собой связанных. В смысле исторической яркости она не дает много, все время колеблясь между драматической занимательностью и значительностью героев и разоблачением их. Нельзя сказать, чтоб это была убийствен-

ная картина русского двора, которую дала бы чистая правда. Напротив чувство Екатерины к Орлову представлено в тоне большой и серьезной страсти, которая отодвигает весь ужас ее опочивальни и неслыханного разврата куда-то на третин план. А главное, все это дано в разрезе личной драмы, личных столкновений, а **не на фоне тогдашней России**. Дело ведь вовсе не в том, что Петр был идиот, а Екатерина развратная женщина, а в том, что идиот управлял стомиллионным народом, а любовники царицы повелевали страной. А вот это дано только в эпизодах, между прочим. Желая сохранить разоблачительную тенденцию, автор допускает явные несоразности—политические, и психологические. Вельможи прокламируют долой самодержавие, возводя на трон самодержавицу и т. п.

Такое же половинчатое, недоуменное, застрявшее между исторической правдой и драматическими прикрасами впечатление производит и постановка. Она непозволяет себе яркой и смелой карикатурой указать и разоблачить неслыханную нелепость двора. Хотя черточки карикатуры вкраплены там и здесь в игру, в акцент, в грим, но это разбавлено самой настоящей томностью и искренностью любви, измены и пр. Поражает постановка чистотой, слаженностью, строгостью и серьезностью ведения спектакля. Внешне спектакль обставлен чисто, внушительно и красиво. От оценки и описания игры воздержусь. Некоторое засилье акцента, то, что актеры играли в своих ролях раньше всего немцев, украинцев и свои костюмы кажется мне наибольшим грехом. Первое впечатление говорит о том, что перед нами хороший ансамбль, который справится с трудным, но благодарным ремеслом актера.

Л. С. Выготский.